

Ольга Балла-Гертман

В режиме ветвящегося дерева

Александр Алексейчик, Галихан Идрисов, Виктор Каган.
Разговоры о психотерапии. – Вильнюс: Институт гуманистической и экзистенциальной психологии, 2011. – 200 с.

В этой книге с тремя авторами-собеседниками человек, несведущий в психотерапии или, по крайней мере, имеющий опыт участия в терапевтическом диалоге в статусе клиента, получает редкую возможность заглянуть на "ту сторону" этого взаимодействия. Ему станет известно кое-что из того, "как это делается" - по крайней мере, как оно чувствуется и понимается самими психотерапевтами. Кое-что – хотя далеко не всё: "всего", как читатель легко убедится, не знают даже сами терапевты. И вряд ли надеются когда-нибудь узнать. Зато они явно нацелены на то, чтобы выяснять это постоянно.

Поэтому текст, с которым мы имеем дело в книге (а это, несомненно, - текст цельный, хотя и складывающийся из разных, притом по большей части непредсказуемых реплик), - особого жанра. Я бы назвала его жанром поискового диалога. Такого, который возникает прямо на глазах и у читателей, и у самих говорящих: им, - и это, пожалуй, самое ценное, - никогда не известно заранее, в какую сторону они двинутся на следующем шаге и уж подавно – к каким придут результатам. Они вырабатывают смыслы – и испытывают их на прочность – во многом на ходу. Если изобразить структуру "Разговоров" графически, получится что-то вроде ветвящегося дерева.

Тем более, что перед нами – текст, возникавший устно: в ходе разговора, который состоялся в сентябре 2009 года в Вильнюсе, дома у одного из них – литовского врача-психиатра и психотерапевта Александра Алексейчика. Важно, что здесь записана и воспроизведена именно живая речь, с её обрывами, восклицаниями, недосказанностями, неточностями, повторами, метафорами, просторечиями и даже вкупе с сопровождавшими её жестами (на самом деле именно такая речь – тело мысли, в котором она возникает и живёт по-настоящему и без которого оказывается всё-таки не в полной мере самой собой). Главные участники диалога – сам Алексейчик и его друг, коллега и оппонент – психиатр, психотерапевт и поэт Виктор Каган, последние тринадцать лет работающий в США. Непосредственным стимулом к их дискуссии стала – и отразилась в "Разговорах" – ежегодная, к тому времени уже пятая, Международная конференция Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии, прошедшая в литовском городе Бирштонасе, в которой оба они участвовали. Третий собеседник, казахстанский психолог Галихан Идрисов, взял на себя скромную роль "модератора" – посредника, комментатора (не говоря уже о том, что именно он расшифровал записи этих многочасовых разговоров). Поэтому его точка зрения на все затронутые вопросы представлена в разговоре в наименьшей степени, – тогда как позиции Кагана и Алексейчика поданы развёрнуто. Но всё-таки представлена там и она – и оказывается не менее ценной: ценность её в том, что она обеспечивает взгляд на обе заявленные ведущими собеседниками позиции – извне. И ещё в том, что из этой точки хорошо видна оправданность обеих позиций – несмотря на всю их разность.

Да, собеседники расходятся очень во многом – в том числе принципиально, – как сказал автор предисловия к книге, их литовский коллега профессор Римантас Кочюнас, "идеологически". Оба представляют экзистенциальную психотерапию, но разные её варианты. Расходятся они не только в отношении терапевтической работы, её основ, приёмов, отношений с тем, кто обращается за помощью – и даже того, как его следует называть: "клиентом"? "больным"? или всё-таки "пациентом" (для латинского имени которого Виктор Каган подобрал очень, по-моему, точный русский эквивалент: "претерпевающий")? Тут можно, пожалуй, говорить и о разности мировоззренческих оснований. Может быть, и о разнице

темпераментов – у которой явно оказываются и профессиональные следствия.

Александр Алексейчик - один из основателей восточно-европейской школы практического экзистенциализма в Литве, создатель методов "интенсивная терапевтическая жизнь" и "экзистенциальная библиотерапия" - сочетает в себе, как писал тот же Кочюнас, и не без парадоксальности, как хочется добавить уже автору этих строк, две очень разные культурные фигуры. Он - одновременно психотерапевт и "своеобразный христианский православный ментор и миссионер"; принципиальный сторонник "религиозно окрашенной" терапии "без границ". Кроме того, он допускает, а иной раз даже считает необходимым активное, если не сказать - жёсткое направляющее воздействие на пациента ("...я хочу запустить её, - признаётся Алексейчик в рассказе об одной своей пациентке, - на три дня в мясорубку моего отделения, чтобы она несколько раз это так пережила! Если она на это способна. И чтоб она преобразилась. "Мясорубка", ничего себе метафоры! "А я чаще должен это так вот сделать, - показывает жестами, от нехватки экспрессивности у слов, Алексейчик, - так вот (*энергичные движения перемешивания кулаками воздуха*) закрутить. Я должен!").

Подобного безусловно не принимает его собеседник, уверенный, что пациент всё делает сам, что он приходит к ключевому моменту терапии – "инсайту" - самостоятельно. Роль терапевта, уверен Виктор Каган, – не более, чем роль резонатора, помогающего ему услышать и понять самого себя, а отношения между ними должны выстраиваться как партнёрские и с чётким соблюдением границ. Он старается избегать не то что активного воздействия – даже лишних вопросов пациенту: "А вопросы... я избегал вопросов, - объясняет он, - потому что <...> они были бы препятствием на пути к инсайту, вводили бы пациентку с её пути к нему..." Каган, один из самых ярких представителей гуманистической экзистенциальной психотерапии, также категорически против любого присутствия религии в терапевтическом диалоге (независимо от степени религиозности самого терапевта) и настаивает на необходимости мирского её понимания.

Позиции разные, да – однако не конкурирующие. По крайней мере – в пределах этого диалога.

Каждый из собеседников занят здесь отнюдь не переубеждением оппонента, но, скорее, прояснением – путём сопоставления с другим – того, как устроены его собственные подходы к терапии, каковы их возможности, каковы вообще его отношения не только к работе, её методам, техникам, задачам – но к человеку и миру. К некоторым важным антропологическим константам: к жизненному смыслу и его природе, к знанию и незнанию, к душе, к любви, к мужскому и женскому началам в человеке, к тайне (по определению Кагана, суть происходящего в терапии – и есть тайна).

Важно, что в этом разговоре никто не правее остальных – и не претендует ни на такую правоту, ни на первенство, ни на окончательную победу, при том, что спор идёт иной раз довольно яростный. Спорщики даже признают правоту позиций друг друга – что самое интересное, и не думая соглашаться. Не подчиняя чужой признаваемой правоте – собственной позиции.

Они эту правоту другого – признаваемую! – даже отвергают, притом в выражениях, иной раз, очень резких. "...в моём представлении, - оценивает Каган терапевтические приёмы Алексейчика, - так работать контрпродуктивно, если не просто антипсихотерапевтично." "Я не знаю, - реагирует он на реплику своего собеседника, - как относиться к тому, что ты сказал... Не вижу <...>, где кончаются ханжа-моралист, следователь, прокурор и начинается психотерапевт, где терапевт работает на пациента, а где использует его для удовлетворения своих нужд." "Впрочем, - добавляет он вскоре, - факт моей, а не твоей биографии..."

"Ты, Витя, прав, - говорит Алексейчик уже под самый конец дискуссии. – Твоя пациентка – права! Её жизнь – права! <...> Может быть, даже правда в вас. Но правда ваша – не окончательная. Как и моя."

Нет, собеседники так и не приходят ни к каким конвенциям, тем более - к разрешению затронутых ими тем. Они приходят скорее к признанию их принципиальной открытости и неустранимой проблематичности (и решаемости всякий раз внутри отдельных биографий, на их материале и ценой личных усилий) – о которой полезно помнить и нам, вольным читателям. На заключительный вопрос Алексейчика, почти уже, кажется, риторический:

"Приближаемся к Истине?" Каган отвечает: "С Последнего Суда никто ещё сюда не вернулся – встанем перед ним, там и увидим, что спрашивают... а пока чай стынет и водка греется." И знаете, о чём это? – о соучастии и собратстве в предметной реальности, в её ритуалах и радостях, способных объединить людей в их человечности, поверх и помимо всех разногласий, неизбежно частичных, даже когда они глобальные. Ergo bibamus!

<http://www.svobodanews.ru/content/blog/24504715.html?nocache=1>